

АПОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В статье на конкретных исторических персоналиях автором детально раскрывается понятие апологии предательства. При этом в инновационном авторском рассмотрении данного вопроса активно используются как научные достижения ученых прошлых лет: всевозможные толковые словари и определения, произведения классиков художественной литературы, так и современные научные разработки.

Ключевые слова: апология предательства, исторические персоналии, научные достижения, определения, инновационный авторский подход.

Данное исследование задумано давно, хотя подготовительный этап написания занял достаточно много времени. Особенную актуальность оно приобретает в свете развертывания вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. Кстати, пишу «на Украине», следуя классику: «Як умру, то поховайте мене... на Вкраїні...» (Т.Г. Шевченко), – у которого был выбор: «...в Україні...», – что не приводило к изменению смысла и ритма. Но почему апология? Да потому что не все, названное предательством, оказывается таковым. Не всегда предатель (то есть тот, кого считают предателем) – предатель. И наоборот, не являющиеся по известной версии предателями, вполне соответствуют понятию «предатель». **Цель данной статьи** – получение не только конкретных, но и всесторонне обоснованных ответов на вопросы: что есть предательство? Кто такой предатель? С ответов на эти вопросы и начнем, потому как, не определив предмет, явление, нельзя его анализировать. Назвать – значит понять. И еще: понять – значит упростить (Каганов, 1979).

Итак, предатель (банально) – некто, совершивший предательство. Вот и ответ на последний вопрос. Но есть вопрос предпоследний, ответ на который и даст понимание предмета исследования. Хотя, скорей всего, это будет упрощением.

В толковых словарях русского языка (например, Даль, Ожегов, Ушаков) слово «предательство» определено так, что понять его смысл вряд ли возможно. В лучшем случае приводятся синонимы вроде «вероломство», «измена», а то и просто сообщается: «Предательство – предательский поступок». Все ясно? Скорее, нет. Подробно обсуждая предательство как измену, религиозный философ И. Ильин (2002), между прочим, поддерживавший фашизм, говорит исключительно о духовной стороне предательства, отказывая предателю в каких-либо предметных побудительных мотивах. С такой трактовкой термина нельзя согласиться. Предметная область в не меньшей мере, нежели духовная, является основой предательства. Материальная составляющая предательства не менее (а зачастую и более) важна, чем духовная. Предательство, совершенное по материальным мотивам, может и вовсе не иметь моральной составляющей, то есть предатель при этом может оставаться при своих убеждениях. Более того, предательство может вовсе не требовать измены моральным принципам (в истории достаточно примеров предательств, совершенных, например, на любовной почве, или в период ведения военных действий между кланами; измены морали здесь не рассматриваются). При этом далеко не всегда духовная и материальная составляющие предательства проявляются в чистом виде. Пожалуй, наиболее гармоничное сочетание материального и духовного можно встретить у профессиональных предателей – шпионов или разведчиков, причем как назвать такого профессионала, – зависит от заинтересованной стороны. Для одной стороны, для тех, кого он предаёт,

предатель – шпион. Для другой же стороны, для тех, кому на пользу предательство, – предатель – разведчик. Однако шпион или разведчик (назовите как хотите) работает, разумеется, не только на того (тех), кто обслуживает (оплачивает) предательство, но и на того (тех), кто доверяет ему, кого он предает, то есть предавать он готов заранее. Но речь не об этом. Приведенные рассуждения нужны для того, чтобы определиться с термином, наполнить его содержанием хотя бы в контексте работы.

Из сказанного следует, что предательство – это измена (изменение) предшествующей линии поведения иногда на прямо противоположную по идейным (духовным) и/или материальным (предметным) соображениям. Назвали, но не упростили.

Тут же оговоримся, что может быть (и более часто встречается) предательство не глобальной идеи (измена морали), а предательство по отношению к одному отдельно взятому человеку или по отношению к ограниченной (не в интеллектуальном смысле) группы людей, но такие предательства и такие предатели находятся за пределами настоящей апологии. Подобного рода предательства существенно неоднозначны и могут быть сделаны под влиянием сиюминутной, например, физической или волевой слабости, а также (особенно в современных условиях) под влиянием психотропных или иных действующих на сознание (например, гипноз) средств. Так, образ предателя Стаховича в романе А. Фадеева «Молодая гвардия» (Фадеев) – собирательный: очевидно, под пытками далеко не все молодогвардейцы смогли отказаться назвать товарищей (не дай Бог кому-либо оказаться в подобной ситуации). Не исключено, что невозможность по политическим соображениям сказать правду о предательстве и привела писателя к самоубийству или, по крайней мере, поспособствовала преждевременному уходу из жизни.

Так или иначе, предательство – это поступок, требующий определенной смелости, о чем, в частности, будет идти речь в последующем обсуждении. Исходя из сделанного определения, обсудим, все ли предательства и предатели, таковыми названные, таковыми и являются. При этом будем рассматривать предательство с одной точки зрения – с нашей, так сказать, стороны, с точки зрения, в большинстве своем принятой русской историографией и моралью.

Начнем издалека. Начнем с классического, отнесенного к предательству, случая, имевшего место в конце первой четверти XIII века во время событий, известных как битва на Калке (см. например, Галицко-Волынская летопись, 1981; Суздальская летопись по академическому списку, 1968; Лаврентьевская летопись, 1981; Тверская летопись, 1981). В битве на реке Калка (1223 г., бассейн Азовского моря, юго-восток Украины) участвовали, с одной стороны, русско-половецкие войска, а с другой, – монголо-татарские (далее – татарские).

В результате собственно битвы половецкие и часть русских войск, вступивших в битву под началом великого князя Мстислава Галицкого, были разбиты и бежали под его же предводительством, к чему мы еще вернемся. Другая часть русичей во главе с великим князем Мстиславом Киевским огородилась телегами (поставили город) на каменистом месте над рекой с намерением держать оборону. Однако на третий день эта русская дружина сдалась, поскольку поверила обещанию, данному от имени татар неким Плоскиней, бродником (представитель кочевого племени, очевидно, славянского, участвовавшего в битве на стороне татар), православным, клявшимся на кресте в том, что все сложившие оружие будут отпущены восвояси. Татары обещание не выполнили и русичей погубили. Поэтому русские летописи называют Плоскиню не иначе как «окаянный» (Суздальская летопись по академическому списку, 1968; Тверская летопись, 1981), клятвопреступник, то есть предатель (кстати, с противоположной

стороны, поступок Пłosкини, если речь идет именно о нем, классифицируется как благой (см. например, Рашид-ад-Дин, 1946)). С мотивацией поступка православного, пусть и бродника, не мог согласиться писатель В. Ян (Ян), предложивший свою версию события, где он представил Пłosкиню как героя-патриота, вынужденного под пытками передать русичам известное обещание.

Кстати, угроза физической расправы, боязнь за собственную жизнь или физическое здоровье, а также жизнь и здоровье близких – еще один побудительный мотив соответствующей линии поведения (см. определение «предательства»). Возникает вопрос: любой ли человек способен ради идеи пожертвовать жизнью своей или своих близких или даже вовсе неизвестных ему людей (например, заложников)? Разумеется, нет. Но оправдано ли в таком случае предательство и вообще, является ли оно в подобных ситуациях таковым? Ответить на поставленные вопросы в контексте данной работы не представляется возможным. Очевидно, все зависит от многих обстоятельств, начиная от физического и психического здоровья и моральных принципов лица, поставленного перед выбором, и заканчивая степенью ущерба, причиненного в результате тому (тем), кто предан.

Тем не менее, с целью обобщения, дополним определение предательства, представив его в таком виде: предательство – это измена (изменение) предшествующей линии поведения иногда на прямо противоположную по идейным (духовным) и/или материальным (предметным) соображениям, или под угрозой физической расправы (в том числе над другими лицами).

Уточнив этимологию предательства, вернемся к Пłosкине. Скорее всего, подоплека события иная, нежели ее представляют летописцы или В. Ян, и Пłosкиня попросту, как ему русичи, поверил татарам, посчитав их честными людьми (Герасимов, 2012). Следовательно, Пłosкиня предателем не является, поскольку ни один из возможных мотивов предательства им не руководил, а измена по незнанию – собственно не измена вовсе, лишь обман, обман по незнанию, который не может быть определен как предательство. Обман, он обман есть, тем более, что Пłosкиня верил в то, что говорил, не обманывая, но, заблуждаясь, будучи сам обманут.

Очевидно, сделанная оговорка требует еще одного уточнения в определении термина. Итак, предательство – это осознанная измена (изменение) предшествующей линии поведения иногда на прямо противоположную по идейным (духовным) и/или материальным (предметным) соображениям, или под угрозой физической расправы (в том числе над другими лицами). Как видим, согласно последнему (будем надеяться, что последнему в обоих смыслах – и по порядку, и вообще) определению, предательство предполагает осознанные действия, что исключает возможность предательства, например, детьми, отвечающими на провокационные вопросы взрослых, когда они (дети) не понимают смысл происходящего. Иными словами, для того, чтобы совершить предательство, у предателя исходно должна быть мораль, и/или надежда на получение материальной выгоды, и/или боязнь физической расправы, причем акт предательства обязан быть осознанным.

В общем, Пłosкиня не предатель в указанном смысле. Иное дело другой участник событий на Калке – бежавший после разгрома русско-половецких войск с поля битвы Великий князь Мстислав Галицкий, известный и как Мстислав Удалой. Трудно сказать, чем Мстислав Галицкий обязан прозвищем Удалой. Создается впечатление, что дано оно ему за удаль, проявленную при бегстве после разгрома его дружины на Калке. Посудите сами: Мстислав Галицкий не просто бежал с поля боя, оставив на произвол судьбы пешую часть своего войска, но и, переправляясь через Днепр, велел пожечь неиспользованные им ладьи и другие плавсредства, дабы татары не могли его пре-

следовать. Тем самым он лишил возможности спастись множество русских воинов, которые и были уничтожены татарами на берегу Днепра. По сути, князь предал их, а побудительным мотивом предательства послужил страх потерять собственную жизнь. При этом непосредственной угрозы жизни Мстислава Галицкого в момент переправы через Днепр не было. Рассуждал же он примерно следующим образом: «А ну, как татары вздумают вслед через Днепр переправиться (что вовсе не обязательно следовало логике развития событий), настигнут (еще менее вероятная возможность, учитывая знание князем земель, по которым он бежал, и наоборот, незнание пути татарами), и настигнув, убьют (тоже не обязательно, мало ли зачем татарам может понадобиться живой князь: от выкупа за него до политических переговоров). В данном случае Мстислав Галицкий выглядит как предатель с элементами труса, на что следует обратить внимание, поскольку в дальнейшем нам будет необходимо отделять, когда такое будет возможно, труса от предателя.

Добавим, что Мстислав Галицкий к предательству имел склонность: от места битвы на Калке (Приазовье, скорее всего, северо-восточное, юго-восток Украины) он бежал не далеко, не близко – в Польшу, где принял католичество, изменив таким образом вере и став предателем еще и по идейным соображениям. Возможно, существует генетическая предрасположенность к предательству. Возможно, не случайно, печально знаменитый Григорий Отрепьев – родом из Галича. Правда, другого Галича – не Волынского – Костромского (Мерьского), но одноименные города основывали выходцы из города с тем же названием (ср. Переславль-Хмельницкий и Переславль-Залесский; второй основали и дали имя переселенцы из первого), а более древнее существование Галича Волынского по сравнению с Галичем Мерьским очевидно. Таким образом, Гришка Отрепьев вполне мог быть генетическим родственником, пусть отдаленным, Мстиславу Удалому. Отрепьев же, известный в истории как самозванец, является предателем по материальным соображениям, что не исключало духовной составляющей, поскольку он не лишь предался полякам, но и заигрывал с ними по вопросам веры (см. историческую литературу о смутном времени на Руси в начале XVII века, в частности, Костомаров, 2007). Вот еще один пример предателя, не рассматриваемого исторической наукой, или хотя бы преданиями в качестве такового.

Однако мы забежали вперед. Между монголо-татарским нашествием и смутой Русь пережила период становления как государства, чему в первую очередь способствовало освобождение от иноземного гнета, начало которому положила битва русских войск под предводительством Дмитрия Донского с татарами на Куликовом поле (Куликовская битва). Вот об одном из участников (точнее, не участников) этого события далее. Речь пойдет о князе Олеге Рязанском (см., например, «Новгородская Карамзинская летопись», 1981).

В современной историографии, Олег Рязанский представлен изменником (суть, предателем). Все дело в том, что ни он сам, ни его дружина не участвовали в Куликовской битве. Вот это – конечный аргумент. Тем не менее, проанализировав сложившуюся ко времени битвы общественно-политическую ситуацию, можно сделать вывод, что Олег Рязанский проявил высшую степень политической дальновидности, никого не предавал и вообще вел себя вполне лояльно и корректно и по отношению к Дмитрию Донскому, и по отношению к собственным подданным. Именно такой вывод по существу и сделан (Герасимов, 2006). Веский аргумент против предательства Олега – участие рязанцев (не дружинников) в Куликовской битве. Регулярные войска вывести на Куликово поле Олег не мог, дабы Рязанская земля в скором времени не подверглась в отместку набегу татар (при любом исходе битвы), а добровольцам, кто

же может запретить? Просматривается аналогия с современными событиями в некоторых странах. Другой не менее веский аргумент – последующее (после событий на Куликовом поле) бракосочетание детей Олега (сына) и Дмитрия (дочери). Очевидно, что Великий князь московский не отдал бы свою дочь замуж за сына предателя.

Таким образом, Олег Рязанский, равно как и Пłosкиня, предателями не являются, однако мотивация их поступков совершенно и принципиально разная. Тем не менее, оба они были зачислены в разряд (или ряд) предателей и остаются в нем до сих пор. Пора, давно пора устранить вековую несправедливость, что мы по мере возможности и делаем. Таким образом, данные образы невозможно отнести к предателям в прямом истолковании данного термина. Но и предатели в истории Руси, безусловно, были. Следующий (вслед за Мстиславом Галицким – предателем не явным, и Григорием Отрепьевым – предателем явным, но не названным) пример крупномасштабного предательства и крупного предателя очевиден: украинский гетман Иван Мазепа, в частности, в связи с событиями вокруг Полтавской битвы (начало XVIII). Жизнеописание Мазепы можно найти, например, у Н. Костомарова (Костомаров, 2007). С интересующей нас точки зрения изложение соответствующих событий именно этим автором наиболее показательное, поскольку он является украинским (малороссийским) историком, а отнюдь не ангажированным великорусским шовинистом.

Иван Мазепа, безусловно, предатель, изменивший присяге на верность, которую давал Петру I, и перешедший на сторону Карла XII. За это предательство гетман был соответственно предан гражданской казни и анафеме со стороны Русской православной церкви. Кроме того, он стал единственным кавалером Ордена Иуды, учрежденного специально по такому случаю и изготовленному в единственном же экземпляре. Этот факт весьма нехарактерен, но указывает на то, что предателем нужно еще суметь стать. Мотивация предательства Мазепы совершенно лишена какой-либо логики с точки зрения нормального человека: перейти под покровительство другого государя, ничего не получив взамен, – поступок, заставляющий заподозрить психическую болезнь. Возможно, предательство Мазепы имеет генетическую основу, оно у него, как говорится, в крови: «Измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни. Так он изменил Польше, перешедши к заклятому её врагу Дорошенку; так он покинул Дорошенка, как только увидел, что власть его колеблется; так, и ещё беззастенчивее, поступил он с Самойловичем, пригравшим его и поднявшим его на высоту старшинского звания. Так же поступал он теперь со своим величайшим благодетелем, перед которым ещё недавно льстил и унижался» (Костомаров, 2007). В общем, предательство Мазепы, хотя и мало понятно чем мотивированное, не вызывает сомнения.

Наконец, упомянем звание, имя и фамилию еще одного очевидного предателя: генерал Андрей Власов, перешедший на сторону фашистской Германии в 1942 г., согласившись сотрудничать с нацистами. Несмотря на совершенно неоспоримый факт предательства, безотносительно того, какими мотивами руководствовался генерал (сохранение жизни или измена идеологии), и он, и его поступок (предательство) находят своих сторонников. Объективности ради добавим, что, будучи в критических ситуациях, Власов неоднократно отказывался от предложений спасения собственной жизни и не оставлял своих солдат, когда ему предоставлялась такая возможность, что существенно ослабляет вероятность сохранения жизни как побудительный мотив совершенного им предательства. Добавим также, что никаких серьезных (глобальных) последствий предательство генерала не имело.

Однако, в новейшей истории, по крайней мере, на территории Украины, какой она была в границах СССР, отсутствие моральной материальной и физической базы сделало невозможным предательство как социальное явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицко-Волынская летопись. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М. : Худ. лит., 1981. – С. 236-425.
2. Герасимов И.Г. Плоския / Герасимов И.Г. – 2012. – Арх. ГИГ, пр., 105 ед. хр. – 10 с.
3. Герасимов И.Г. Олег Рязанский (Апология) / Герасимов И.Г. – 2006. – Арх. ГИГ, пр., 59 ед. хр. – 14 с.
4. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта : в 2 т. – М. : Русская книга, 2002. – Т. 2.
5. Каганов М.И. Электроны, фононы, магны / Каганов М.И. – М. : Наука, 1979. – 192 с.
6. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Костомаров Н.И. – М. : Эксмо, 2007. – 394 с.
7. Лаврентьевская летопись. – Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М. : Худ. лит., 1981. – С. 132-149.
8. Ленин В.И. Заявление редакции «Искры» / Ленин В.И. – ПСС. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. – Т. 4. – С. 355-360.
9. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата / Ленин В.И. – ПСС. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1973. – Т. 23. – С. 297-305.
10. Марков В.Н. Предисловие / В.Н. Марков // Лирика / Исакава Такубоку. – М. : Дет. лит., 1981. – С. 5-18.
11. Новгородская Карамзинская летопись XVI века. – Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М. : Худ. лит., 1981. – С. 112-131.
12. Политология. Энциклопедический словарь. – Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с. – С. 338.
13. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Рашид-ад-Дин. – Т. I., кн. 1. – М., 1952. – 222 с.
14. Суздальская летопись по академическому списку. – Рассказы русских летописей XII – XIV веков. – М. : Дет. лит., 1968. – С. 69-74.
15. Тверская летопись. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М. : Худ. лит., 1981. – С. 148-175.
16. Фасмер А. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 831 с.

И.Г. Герасимов**Апологія зрадництва**

У статті на конкретних історичних персоналіях автором детально розглядається поняття апології зрадництва. При цьому в інноваційному авторському розгляді даного питання активно використовуються як наукові досягнення вчених минулих років: різноманітні тлумачні словники і визначення, твори класиків художньої літератури, так і сучасні наукові розробки.

Ключові слова: апологія зрадництва, історичні персоналії, наукові досягнення, визначення, інноваційний авторський підхід.

I.G. Gerasimov***Apology Predatelstva***

In the article on the specific historical personalities author elaborates the concept of apology betrayal. In the author's innovative considering this issue, widely used as a scientific achievements of the past years: all kinds of dictionaries and determining the classics of literature, and modern scientific developments.

Key words: apology betrayal, historical personalities, academic achievement, determination, an innovative architectural approach.

Стаття постуила в редакцію 03.04.2014.